

УДК-327.2

О ТИПАХ ОСТРОВНЫХ АВТОНОМИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

*О.Б.Подвинцев*¹

В статье рассматриваются факторы, обуславливающие тенденцию к автономизации островных территорий в современном мире, принципы и критерии типологизации данных территорий. Констатируется, что большинство из них, так или иначе, связаны с имперским наследием. Соответственно за основы классификации берутся различия между империями (континентальными и колониальными), имперскими владениями (переселенческими и «этническими»), а также изменение или сохранение территорией своего статуса в условиях распада имперской системы.

Ключевые слова: автономия; империя; колония; переселенческие территории; этнические территории.

Динамика интеграционных и дезинтеграционных процессов в современном мире делает проблему изучения территориальных автономий особенно актуальной для политической науки. Очевидно, что для островных территорий автономный статус применяется особенно часто и они, соответственно, заслуживают в этом отношении отдельного рассмотрения. Однако комплексному анализу всего массива данных конкретных случаев пока в значительной степени мешает недостаточная концептуальная проработка. В результате остаются нечетко очерченными, как границы указанного множества, так и его внутренняя структура.

Трудности возникают уже с применением к островным сообществам понятия «автономия». Проблема не только в определенном различии трактовок и предлагаемых границ данного понятия, но и в особенно большом разнообразии статусов, особых прав, привилегий, специальных систем управления, свойственных островным территориям. П.Хепберн, автор одной из статей, посвященных данной теме, справедливо утверждает, что «для островов разработаны одни из самых инновационных условий автономии, существующих в мире. Малые островные народы неоднократно отвергали полную независимость в пользу разработки уникальных форм конституционного статуса в рамках более об-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00034).

¹ Подвинцев Олег Борисович – доктор политических наук, заведующий отделом Пермского научного центра УрО РАН, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: podvintsev2009@yandex.ru.

© Подвинцев О.Б., 2015

ширного государства или наднациональных границ» [5]. Этот же автор отмечает, что как следствие существует множество терминов, характеризующих официальный статус этих территорий и приводит ряд из них с примерами конкретных территорий – «автономная провинция» (Аландские острова в составе Финляндии), «ассоциированное государство» (Ангилья по отношению к Соединенному королевству), «заморская территория» (Британские Виргинские острова), «особый регион» (Сардиния в Италии), «территория Содружества» (Кокосовые острова под властью Австралии), «заморский департамент» (Реюньон под властью Франции), «федеральная провинция» (Ньюфаундленд в составе Канады), «автономный регион» (Азорские острова в составе Португалии) [5]. Данный перечень нельзя считать исчерпывающим.

Возможно, в том числе и по этой причине большинство островных административных единиц с особым статусом не включаются в различные базы данных по автономиям, но при этом включаются в списки «стран» (для того чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть, фактически, любой справочник «Страны мира» или зайти на сайт в Интернете, где такой список присутствует)¹. Впрочем, есть несколько, в основном расположенных в Европе территорий – Аландские, Фарерские о-ва, Гренландия, Джерси и Гернси, о. Мэн и некоторые другие – которые, как правило, можно найти и в тех, и в других списках. В целом найти логику такого разграничения «стран» (пусть и с ограниченным суверенитетом) и «автономий» достаточно сложно. Вероятно, основное объяснение такого положения вещей заключается в исторически обусловленной инерции восприятия. Большинство островных территорий, воспринимаемых как «страны», а не «автономии» - это владения бывших колониальных держав (в т.ч. переданные другим государствам), а в колониальных имперских системах такие владения воспринимаются иначе, чем «провинции» в континентальных империях [2, 3].

В то же время из списка «островных» автономий следует, на наш взгляд, все же исключить те, чей статус, система управления, права и привилегии не отличаются от большинства других частей государства, в которое они входят. В частности, речь идет об единственном во всех отношениях «островным» субъекте РФ - Сахалинской области. Данный регион, в частности, в отличие от некоторых других, не имеет особого «этнического» статуса, он является, таким образом, «обычным» субъектом РФ. Наиболее схожими случаями являются провинция Остров Принца Эдуарда в составе Канады и штат Тасмания в составе Австралийского союза. Необходимо учесть, что в составе канадской и австралийской федераций субъектов значительно меньше, чем в РФ. Но так или иначе, автономия названных островных регионов тоже не является *особой* по

¹ Например, известный справочник The World Factbook, но также и многие другие; списки стран в них отличаются, но общий тренд налицо. Материалы подобных общедоступных справочников были использованы в качестве эмпирических данных для дальнейшего анализа.

отношению к другим субъектам федерации, в то время как в ряде других случаев (по крайней мере, в РФ и Канаде), такой особый характер автономии существует. Автономия в политическом (а не чисто юридическом) отношении означает, прежде всего, специфику действующих установлений (специальных прав и разрешений) по отношению к остальной, «материнской» стране, с учетом *особости* данной территории. Если территория является такой же отличной от всех, что и остальные, она уже не является особой. Иными словами, если все территории в равных пределах «особые», ни одна из них на самом деле особой не становится.

В других случаях особость региона подчеркивается уже в названии его статуса такими прилагательными, как «заморский», «ассоциированы», собственно «особый» и непосредственно «автономный». Конкретные различия между этими статусами не являются четкими, их черты переплетаются между собой. С другой стороны, в разных случаях в рамках одного и того же статуса могут существовать различия. Наконец, статус рассматриваемых территорий в современных условиях, зачастую, оказывается, весьма подвижным. Так, в 2009 г. датский парламент в очередной раз расширил автономию Гренландии. В том же году по итогам прошедшего референдума, напротив, начался процесс преобразования обладавшей более широкой автономией Майотты в заморский департамент Франции. В 2010 г. была проведена конституционная реформа, коснувшаяся статуса владений в Карибском море, оставшихся у Нидерландов. Уже после этого референдумы об изменении статуса прошли в некоторых других островных территориях (правда, не все из них привели к такому результату). Этот перечень может быть продолжен – к общим тенденциям, свойственным эпохе глокализации, добавляется незавершенность переустройства бывших имперских пространств.

Неслучайно поэтому в поле зрения исследователей островных политических сообществ в настоящее время попадают не только особенности конституционного дизайна и отличия конкретных политических практик, но и факторы, обуславливающие то или иное движение к автономии, либо его отсутствие.

По мнению, М.Аккрен, «решающую роль» в установлении особых автономных систем управления на островах играют четыре фактора: этническое своеобразие, малый размер, исторически обусловленное стратегическое значение и географическое расстояние (от материнской части страны) [6, 161].

Коллега М.Акрен и ее соавтор по некоторым работам П.Олусон в своей монографии, специально посвященной данной проблеме, попытался проанализировать на основе 73 конкретных случаев (39 островов, островных групп и архипелагов, имеющих автономию и 34 не имеющих ее) влияние уже 8 факторов – удаленность от основной части страны, близость других государств, размер населения, культурные различия, опыт самоуправления в прошлом, стратегическое значение, конституционные перемены и отсутствие особо значимых природных ресурсов. В результате им были выделены шесть факторов или их ком-

бинаций, объясняющих наличие автономии и пять комбинаций, объясняющих ее отсутствие [6].

Однако данное исследование может быть подвергнуто критике, как с точки зрения отбора конкретных случаев для изучения (особенно островных территорий, не имеющих автономии), так и в отношении практической значимости полученных результатов. Вызывают определенные вопросы и некоторые из выделенных автором факторов, а также их трактовки.

С нашей точки зрения и с учетом результатов исследования П.Олусона, можно предложить следующие формулировки факторов, определяющие *тенденцию* островных территорий к автономизации, предположив их значимость в следующем порядке:

- 1) историческая и/или этническая специфика острова или архипелага, включая и традиционно отличную от остальной части страны систему управления и/или особые дарованные привилегии;
- 2) отдаленность данной территории от остальной части страны, в т.ч. изолированность от других владений;
- 3) компактность и однородность населения, при его относительно небольшой численности по отношению к основной части страны (обычно от 0,1 до 1%);
- 4) нахождение данной территории в сфере интересов других государств.

Факторами, препятствующими обретению полной независимости данными территориями (включая осознанный выбор местного сообщества), по всей видимости, являются:

- 1) слабость экономического и демографического потенциала;
- 2) значительные возможности «материнской» страны по всевозможной поддержке данной территории;
- 3) внешние вызовы (особенно, когда островное сообщество идентифицирует себя как часть «материнского» или близкое к нему).

Однако данные предположения требуют специальной проверки.

Именно перенос акцента с особенностей конституционного дизайна на факторный анализ и исторический подход позволяет, с нашей точки зрения, решить проблему типологизации островных автономий. Как уже отмечалось, большинство из них, так или иначе, являются продуктом развития и распада имперских организмов, прежде всего, колониальных. Необходимо еще раз оговориться, что в данном случае под «колониальными» понимаются не более, чем империи, характеризующиеся тем, что их «историческое ядро», «центр», «метрополию» отделяют от большей части «периферии» («колоний») просторы океанов (теоретически, исходя из уже сказанного можно также рассматривать в этой связи и другие виды социально нейтральных пространств). Поэтому критерий предлагаемой типологии – характеристика бывшего имперского владения (владений) в сочетании с особенностями имперских и постимперских противоречий, обусловивших его нынешнее автономное положение (особый статус). Учитывается также ключевая характеристика распавшейся империи – ее при-

надлежность к колониальному или континентальному типу. Немногие «неимперские» случаи (например, Сардиния в составе Италии и Корсика в составе Франции) могут быть выделены в отдельную группу и рассматриваться как не имеющие принципиальных отличий от других автономий в целом.

Приведем вначале примеры автономий, являющихся продуктом распада или наследием **континентальных** империй, для которых островные владения, как правило, не характерны. Однако классическая островная автономия в современном мире – Аландские острова – является продуктом распада Российской империи, имевшей именно ярко выраженный континентальный характер и последующего конфликта по переделу территории между вновь созданным в установленных империей границах государством (Финляндией) и государством, ранее существовавшим, этнически и исторически близким для основного населения данной спорной территории (Швеция). Конфликт, таким образом, носил очевидный постимперский характер, как, впрочем, и большинство территориальных споров в Европе в межвоенный период. Аланды – это специфическая часть «национальной окраины» (аналог «туземной колонии» в колониальных империях) России, проблема с которой возникает *после* того, как эта окраина отделяется, превращаясь в национальное государство, и получает свое разрешение в создании автономии.

В других случаях с последствиями распада континентальной империи следует связывать те примеры, когда островные автономии являются, по сути, небольшими имперскими провинциями с особым статусом, оставшимися под властью метрополии. Это относится, в частности, к островам Мэн, Гернси и Джерси. Дело в том, что сердцевина огромной Британской колониальной империи – Соединенное королевство Великобритании и Ирландии представляла собой небольшую европейскую империю континентального типа (хотя речь и идет об архипелаге). Империя эта перестала существовать с отделением важнейшей подчиненной провинции – Ирландии. Спорным для нас остается вопрос о том, можно ли к данному типу отнести и Фарерские о-ва, получившие после Второй мировой войны широкую автономию в составе Дании.

К «континентальному» типу можно отнести и взаимоотношения Японии и Кореи в рамках единой имперской системы. Исходя из этого, следует интерпретировать случай о. Ченджу, получившего автономный статус после завоевания Кореей независимости.

Интересным объектом для сравнения в этом отношении мог бы стать не имеющий автономии первого уровня о. Гельголанд. Этот небольшой остров, имеющий свою особую историю и даже свой отдельный официальный язык – фризский, в настоящее время является частью германской федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн, не входя в таможенную и налоговую территорию Европейского союза. В прошлом Гельголанд был предметом борьбы германских государств, Англии и Дании. Пожалуй, только малые размеры, в т.ч. небольшое число жителей (немногим более тысячи человек) являются причиной того, что

этот остров обычно забывают упоминать в перечне особых европейских территорий. В то же время некоторые отдельные островные владения в бывшем колониальном мире имеют примерно такое же (Ниуэ, Токелау) или даже еще значительно меньшее (Питкерн) число жителей.

Значительно более многочисленны островные автономии, являющиеся наследием и продуктом распада **колониальных** империй.

В данном отношении, во-первых, тоже нужно говорить о владениях, оставшихся, фактически всегда уже в новом статусе, под властью бывших метрополий. В целом в настоящее время у Великобритании (с учетом того, что некоторые случаи носят спорный характер) не менее 14 таких обитаемых островных владений, у Франции – не менее 10 (не считая Гвианы, которая, как уже отмечалось, в социально-экономическом смысле – тоже остров), у Нидерландов – 6 (все в Карибском море), у Португалии – 2 (Азорские острова и Мадейра), у Испании – Канарские острова (Балеарские, скорее, стоит поставить в один ряд с Сардинией и Корсикой). Большое количество островных территорий с автономным статусом так или иначе контролируют Соединенные Штаты Америки. Среди них такие крупные сообщества, как Пуэрто-Рико, Гуам, Восточное Самоа, Виргинские острова, Северные Марианские острова, Федеральные Штаты Микронезии, Паллау, Маршалловы острова. Подчеркнем, что речь идет только об островных владениях, хотя это необязательно архипелаг или отдельный остров, это может быть и только его часть. Так, о. Сен-Мартен (Синт-Мартен) в Карибском море до сих пор поделен между Францией и Нидерландами, причем почти пополам в этом отношении делится как территория, так и население данного острова. В то же время, представляется, что такие территории, как находящийся под властью Британии Гибралтар или контролируемая США Зона Панамского канала имеют принципиальные отличия от них – несмотря на небольшие размеры, они не являются социально изолированными территориями.

Большинство островных и других владений, оставшихся под контролем бывших метрополий, формировались и развивались как переселенческие сообщества. Это означает, что существующие в данных владениях социумы и составляющие их основу особые этносы сложились уже после включения соответствующих территорий в определенную имперскую систему (необязательно изначально в ту самую, последствия распада которой определили их нынешнее положение). Так или иначе, но коренное (доимперское) население данных территорий (если таковое вообще было) в результате процесса колонизации оказывалось уничтоженным, ассимилированным, либо загнанным в резервации. Его уклад жизни, социальная структура, традиции, верования, система идентичностей не наследовались и вообще не оказывали особого влияния на новый социум, который формировался за счет притока добровольных и вынужденных (их соотношение могло очень резко различаться в разных случаях) переселенцев, как из метрополии, так и, вполне вероятно, из других владений империи, а также из других стран и территорий. В ряде случаев (Бермуды, Тристан-да-Кунья,

Питкерт и др.) население островов начинало формироваться не запланировано, а в силу различных эксцессов, происходивших на морских коммуникациях. Так или иначе, история этих территорий с началом имперского освоения, фактически начиналась заново, в отличие от «национальных» территорий, где включение в имперскую систему трансформировало и меняло в том или ином направлении уже существовавшее общество и уже сложившиеся местные этносы.

Особый, но близкий к переселенческому, тип колоний составляют «колонии-форпосты». Это - как правило, небольшие территории, зачастую остров или обладающий удобной гаванью участок континентальной береговой линии, лежащие на пересечении путей сообщения и выполняющие роль либо военной базы, либо торгового центра и транспортного перевалочного пункта, либо всего вместе. Этнический состав, социальная структура, менталитет формировавшихся здесь обществ определялся функциональной ролью данных территорий в рамках имперской системы. Выходцы из метрополии и других отдаленных стран находятся здесь, как правило, в меньшинстве и представляют собой в значительной степени временное население – военных, чиновников, негодяев. Те, кто все же оседает здесь, выйдя в отставку или удалившись от дел, отнюдь не настроены сами выступать в роли пионеров или воспитывать в таком духе своих детей. Большинство же населения такой колонии составляют выходцы из сопредельных или близких территорий. Мигрируя сюда, они меняют традиционный род занятий и образ жизни, первоначально превращаясь в основном в подсобных рабочих, прислугу и т.д. Однако они гораздо активнее, чем выходцы из метрополии, оседают на данной территории, и в дальнейшем из их среды формируются местные ремесленники и торговцы.

Необходимо напомнить, что распад крупнейших колониальных империй нового времени, создавших обширные переселенческие владения (Испанская, Португальская, Британская империи) начинался с отделения владений именно этого типа. В отношении Британской империи, в частности, речь идет не только об успешной борьбе за независимость североамериканских колоний в конце XVIII в., но и о том, что в XX столетии Канада, Австралия, Новая Зеландия стали фактически самостоятельными государствами раньше, чем это произошло с Индией, Кенией или Малайзией.

Однако нередки случаи, когда те или иные островные владения распавшейся колониальной империи, принадлежащие к типу переселенческих или колоний-форпостов, остаются под властью метрополии именно в силу своих малых размеров, а следовательно, не слишком большой обременительности и неспособности полноценно обеспечивать все функции независимого государства, включая оборонительную. В то же время они имеют важное стратегическое значение и находятся под давлением соседних независимых государств.

Самый характерный, как представляется, пример данного типа – Сент-Пьер и Микелон (население в настоящее время около 6 тыс. чел.) – владение

Франции у берегов Канады. Общеизвестно, что они сохранились в конце XVIII столетия под властью Франции как маленький осколок обширнейших переселенческих владений этой страны в Северной Америке, перешедших под власть Великобритании. В условиях процесса деколонизации новейшего времени судьба островов Сент-Пьер и Микелон вряд ли была отличной от других, если бы они находились под властью одной и той же державы.

Фолклендские острова с населением менее 3 тыс. чел. представляют собой пример небольшого изолированного переселенческого сообщества. О господствующих на островах настроениях со всей очевидностью говорят итоги референдума о статусе территории, прошедшего по инициативе местных властей 10—11 марта 2013 г. В пользу сохранения статуса «заморской территории» Соединенного Королевства высказались 99,3 % голосовавших, против — только три человека. При этом явка составила 92 % — в волеизъявлении участвовало 1 517 из 1 672 жителей Фолклендов, имеющих право голоса. Характерно, что военная операция, предпринятая британским правительством в 1982 г. против оккупировавшей Фолклендские острова Аргентины, вызвала мощный подъем патриотических чувств в стране, а вернувшиеся с победой войска встречали в британских портах как героев, защитивших соотечественников.

Особая история Фолклендов — это в основном, если не исключительно, история противостояния с другими странами, прежде всего с Аргентиной. Характерно, что двумя особыми национальными праздниками этой территории являются 14 июня — День Освобождения Фолклендских островов в войне 1982 г. и 8 декабря — День Битвы за Фолклендские острова между британской и германской эскадрами в 1914 г.

Несмотря на работающий в переселенческих владениях этнический «плавильный котел», выраженная этническая и, в т.ч. расовая близость с бывшей метрополией, может быть одним из факторов, удерживающих от независимости. В качестве примера можно привести Бермудские острова с населением 65 тыс. чел., более 30% из которых составляют белые (на соседних Багамских островах, получивших независимость в 1973 г. — только 12%).

Интересный случай представляет о. Питкерна, население которого в настоящее время составляет лишь несколько десятков человек (последнее место в списке отдельных стран и владений в современном мире). Пример формирования особого народа, состоящего из потомков мятежных британских моряков, взявших в жены таитянок. Именно историческая и этническая специфика данного острова и позволяют ему занимать отдельную строчку в списке «стран», хотя число его жителей в десятки раз меньше, чем на Гельголанде.

В некоторых случаях небольшие островные переселенческие владения унаследованы крупными переселенческими государствами, возникшими в результате имперского распада. Характерный пример в этом отношении — Особая самоуправляющаяся внешняя территория Австралии — Норфолк. Почти половину населения Норфолка составляют выходцы с Питкерна (их сейчас в несколь-

ко раз больше, чем населения на самом Питкерне), а основным официальным праздником тоже является День «Баунти», который отмечается в дату прибытия переселенцев на Норфолк.

Наследоваться бывшими переселенческими владениями могут и небольшие «туземные» колонии. Примером в данном случае являются о-ва Кука (население около 15 тыс. чел.), а также Ниуэ и Токелау (население и там, и там немногим более тысячи человек), принадлежащие ныне Новой Зеландии. При этом о-ва Кука и Ниуэ находятся в «свободной ассоциации» с Новой Зеландией, а Токелау является ее «зависимой территорией» (статус ассоциированного государства не был принят на референдумах, проведенных в 2006 и 2007 гг. из-за незначительной нехватки требуемой доли голосов).

Спорным является вопрос, насколько остается «переселенческим» сформировавшееся колониальное владение, перешедшее под контроль к другой державе. Характерный пример в этом отношении – Пуэрто-Рико, остающееся под властью США.

«Туземные» островные владения, оставшиеся под властью бывших метрополий, немногочисленны. Больше всего их – у США, и расположены они в основном в Тихом океане. Там же расположены три территории данного типа, оставшиеся под властью Франции – Французская Полинезия, Уоллис и Футуна, а также Новая Каледония. Последняя, однако, является не чисто «туземной», а, скорее, «полупереселенческой» территорией.

Особый случай среди автономий такого типа – Гренландия (население в настоящее время менее 60 тыс. чел. при наличии огромной, но преимущественно покрытой льдом территории), по сути находящаяся сейчас на пути к полной независимости от Дании. При этом необходимо учитывать, что около пятисот лет в прошлом выходцы из Скандинавии составляли основное население крупнейшего в мире острова, и затем уже их сменили эскимосы. Таким образом, с новой колонизацией, Гренландия была для Дании и инородческой, и (как для наследницы древней Норвегии) «исторически» собственной землей.

Следующий тип – бывшие «туземные» колонии, ставшие автономной частью независимого государства, основная часть которого принадлежала к тому же типу имперских владений. Попытки объединить различные примыкающие друг к другу или близко расположенные владения неоднократно предпринимались в условиях распада колониальных систем, как на этапе подготовки к предоставлению независимости, так и сразу после ее провозглашения. Однако удачными оказались немногие. Одна из них – объединение британских колоний Танганьика и Занзибар в Объединенную республику Танзания. Этому не помешало то обстоятельство, что юго-восточная часть Африканского материка, которую занимали колония Танганьика и о. Занзибар, расположенный у ее побережья, сильно отличаются друг от друга и исторически, и с точки зрения этнического состава населения в современный период.

Пример, когда автономия предоставлена территории, на которой проживает национальное меньшинство, уже после того, как колония получает независимость – о-ва Ротума в составе Фиджи.

Особый случай представляет собой о. Бугенвиль, ставший автономным регионом Папуа – Новой Гвинеи после длительного и кровопролитного вооруженного противостояния, которое тоже может быть отнесено к одному из типов постимперских конфликтов (между доминирующим этносом или этносами нового независимого государства и сепаратистами из числа национальных меньшинств, ранее в большей степени ориентированных на служивший им гарантом «центр», а ныне стремящихся к дальнейшему дроблению территории и образованию «своего» государства). Интересно, что Бугенвиль, несмотря на официально присвоенный статус, до сих пор не всегда встретишь в списках автономий мира. Но его нет и в списке «стран».

Следующий тип островных зависимых территорий – бывшие переселенческие территории, входящие в состав стран, которые также являются бывшими переселенческими колониями. При этом, как правило, «материнская» страна и автономия имеют между собой больше «культурного» сходства, чем с бывшей метрополией, однако определенные различия при этом все же могут быть.

Самоуправляемую территорию представляет собой о. Тобаго в составе государства Тринидад и Тобаго. Несмотря на близкое расположение этих двух островов (их разделяет лишь 30-километровый пролив), история их освоения и даже принадлежности в колониальный период имеют свои отличия. Если Тринидад до конца XVIII в. принадлежал Испании, то Тобаго в XVII столетии был ареной борьбы Англии, Франции, Голландии и длительный период принадлежал даже герцогству Курляндскому. Затем этот остров был объявлен нейтральной зоной, став прибежищем пиратов, в состав Британской империи в качестве отдельной колонии вошел за несколько десятилетий до того, как это произошло с соседним Тринидадом. Нынешнее независимое государство Тринидад и Тобаго можно охарактеризовать как неравновесную постимперскую (постколониальную) федерацию и поставить в один ряд с Танзанией – на Тобаго проживает 4% населения страны, на Занзибаре и прилегающих островах – почти 3% населения Танзании).

Карриаку и Пти-Мартиника – зависимая территория Гренады с населением около 7 тыс. чел. Несмотря на многие общие моменты истории освоения этих островов и собственно Гренады сначала под французским, а потом под британским владычеством, она имела и свои отличия, что определило специфику сложившихся здесь переселенческих сообществ. Следует также отметить, что о. Карриаку был некогда спорной территорией между колониальными властями на Гренаде и на Сент-Винсенте, а в названии государства Сент-Винсент и Гренадины (независимо с 1979 г.) можно прочесть некую претензию на контроль над всем архипелагом, куда относятся и два острова, составляющих зависимую территорию Гренады.

Следует отметить, что в других случаях в Карибском бассейне (например, департамент Ислас-де-ла-Баия в составе Гондураса) островные территории, имеющие явную, в т.ч. этническую, специфику по отношению к остальной части страны могут и не обладать статусом и положением автономии. Это может иметь место даже в случае, если на данную территорию претендуют другие государства (колумбийский департамент Сан-Андрес-и-Провиденсия, на который претендует Никарагуа).

Однако сходные примеры островных автономий можно найти в других частях света. Так называемые «внешние территории» есть, например, у Республики Маврикий. При этом сам Маврикий, получивший независимость от Великобритании в 1968 г., представляет собой иноязычную, отобранную в свое время Великобританией у Франции, переселенческую колонию. В этом отношении он вполне может быть поставлен в один ряд с островами Карибского моря, с той лишь разницей, что до открытия европейцами вообще не был заселен, а основной переселенческий поток в его истории шел не из Африки, а из Индии. Единственная часть «внешних территорий» Маврикия, на которой существует значительное население – о. Родригес (около 38 тыс. жителей). История этого острова сходна с историей Маврикия и переплетается с ней. Это абсолютно тот же вид бывшей колонии, в составе той же бывшей колониальной империи. Отличие заключается лишь в том, что большинство населения Родригеса являются потомками выходцев именно из Африки, а не из Индии, и, следовательно, отличаются от населения нынешней «материнской» страны по антропологическому типу.

Очень близкий случай – разбросанные на огромной площади того же Индийского океана, так называемые Внешние Сейшельские острова. Сами Сейше-лы до прихода европейцев, как и Маврикий, были необитаемы, а нынешнее их население сформировалось из выходцев из самых разных частей Британской империи (архипелаг, в частности, выполнял функции комфортного места заключения для знатных пленников, включая их родственников и челядь, как из Африки, так и из Юго-Восточной Азии). Однако подавляющее большинство Внешних Сейшельских островов до сих пор необитаемы, постоянное население есть только на 11 и в совокупности едва превышает тысячу человек. Поэтому территория этих островов просто не включена в административное деление страны.

* * *

Таким образом, типология островных автономий в современном мире может быть выражена следующей таблицей. Однако концептуальная логика может потребовать двигаться дальше. Ведь в социально-политическом отношении уточнения требует и само понятие «остров». С точки зрения социальных разделов географии, в т.ч. с позиций географии политической, значение этого понятия отличается от того, что понимается под «островом», когда речь идет лишь о ландшафте поверхности земли.

Типология островных автономий в современном мире

Связанные с распадом колониальных империи	Унаследованные владения	«Этнические»	Гренландия, Французская Полинезия, Уоллис и Футунв, Новая Каледония (полупереселенческая), Майотта, Американское Самоа, Северные Марианские острова, Палау, Федеральные штаты Микронезии, Гуам, Острова Кука (были переданы Новой Зеландии), Ниуэ (были переданы Новой Зеландии), Токелау (были переданы Новой Зеландии), Андаманские и Никобарские острова
		«Переселенческие» и «Форпосты»	Сент-Пьер и Микелон, Реюньон, Фолклендские острова, Фарерские острова, Питкерн, Норфолк (был передан Австралии), Ангилья, Аруба, Бермудские острова, Каймановы острова, Виргинские острова (США), Виргинские острова (Великобритания), Тёркс и Кайкос, Гваделупа, Мартиника, Монсеррат, Кюрасао, Синт-Мартен, Сен-Мартен, Бонэйр, Синт-Эстатиус, Саба, Азорские острова, Мадейра. Канарские острова, Пуэрто-Рико
	Появившиеся в результате постимперского переустройства	«Этнические»	Бугенвиль, Ротума, Занзибар, Автономный регион в мусульманском Минданао, Лакшадвип
		«Переселенческие» и «Форпосты»	Тобаго, Карриаку и Пти-Мартиника, Внешние территории Маврикия
Связанные с распадом континентальных империи	Унаследованные владения	Джерси, Гернси, остров Мэн	
	Появившиеся в результате постимперского переустройства	Аландские острова Чеджу	
Не связанные с распадом империй		Сардиния, Сицилия, Корсика, Балеарские острова	

В данном случае, в первую очередь, уже имеется в виду не изолированный участок суши, а изолированная часть социума - отдельное сообщество, или часть того или иного сообщества, место сосредоточения которого окружено более или менее значимыми, не населенными человеком (социально нейтральными), пространствами. В то же время необходимо иметь в виду, что данные пространства, действительно, становятся таковыми в силу своих ландшафтных и/или природно-климатических условий.

Однако не населены человеком не только морские просторы. Еще Ибн-Хальдун уподоблял морю пустыни (и там, и там отсутствуют препятствия) и полагал, что города пустыни функционировали как порты [1, 181]. В 1920 г. основоположник социальной географии Жан Брюн выделил четыре типа «островов»: остров в море, остров в пустыне (оазис), а также остров как населенный оазис в таежных или экваториальных лесах и, наконец, остров в горах, включая долины между вершинами [6, 25]. Вероятно, и этим перечень типов окруженных пустынным пространством «островов» нельзя исчерпать. Например, в особый тип можно выделить «острова» в тундре, которая отличается от пустыни как таковой, в т.ч. и с точки зрения условий путешествия по ней. «Островами» становятся поселения человека во льдах Арктики и Антарктиды. Не исключено в будущем появление «островов» в космосе и т.д.

При историческом подходе трактовка «островного» положения тоже должна меняться. Например, если в настоящее время речь идет, прежде всего, о географически изолированных сообществах, то в прошлом на Земле существовали и целые географически изолированные цивилизации. Понятие «географическая изоляция» исторически тоже весьма относительно. Поэтому неизбежно встает вопрос о степени такой изоляции, необходимой для определения «островного» статуса. При этом в данном случае важны уже не только физико-географические, но и социальные параметры, которые являются исторически изменчивыми – развитие средств транспорта, связи и т.п.

Продуктивным представляется провести в данном отношении определенную параллель с тем же понятием «колония», рассматривая его в исконном значении как отдельное, удаленное, но подчиненное материнскому полису («метрополии») сообщество. В античные времена в качестве «удаленных» вполне могли рассматриваться сообщества, которых от метрополии отделяло всего лишь Эгейское или, тем более, Черное море. Однако с течением столетий ситуация изменилась. В XIX в. завоеванный Алжир, добраться до которого из Марселя на пароходе можно было всего за несколько часов, воспринимался французами уже как простое продолжение их страны на юг, провинция, более близкая и естественная, чем, например, Сибирь или Новороссия были в то время для России (хотя между Центральной Россией и этими владениями никакого моря не было вовсе). Однако Индокитай в тот же период, безусловно, воспринимался французами как «колония», т.е. как отдельная, другая «страна».

Расширительная трактовка понятия «остров», хотя и не позволяет считать таковым любой государственный анклав, но все же и сейчас может распространить это определение на ряд владений и регионов, которые принято считать «материковыми». Например, Французскую Гвиану, почти все население которой сосредоточено на узкой прибрежной полосе между океаном и джунглями, а дорожная сеть и вся инфраструктура резко отличаются от соседей, возможно, в не меньшей степени следует считать островом, чем некоторые другие заморские департаменты Франции. Для анализа регионов современной России данный момент тоже актуален. В то время как основная часть Сибири давно уже стала частью «материка» переселенческих российских провинций, Дальний Восток РФ по прежнему представляет собой, преимущественно, их «архипелаг». Такие территории, как Чукотка, Камчатка, Колыма (населенная часть Магаданской области) являются островными с точки зрения экономической и социальной географии, а Сахалин и с точки зрения физической тоже.

Однако необходимо учесть и исторически сложившиеся стереотипы восприятия «островного положения» того или иного сообщества, как внутренние, так и внешние, в т.ч. эти стереотипы обусловлены осознанием ограничений его развития и экспансии, а они могут различаться при изоляции на «суше» или на «море». Четкость и неизменность границ территориального сообщества, которые дает морское побережье, также имеет значение. Все это сказывается в процессе формирования, развития, консервации внутренней и внешней идентичности сообщества. Именно поэтому, очевидно, проблема приобретения, сохранения, расширения особых прав для сообществ, сложившихся на морских и океанских островах более значима, чем для тех, что оказались в той или иной степени изолированными в силу других природных условий.

Тем не менее, развитие подхода к исследованию территориальных автономий (части их) как социально изолированных пространств и сообществ может быть весьма продуктивным для более комплексного понимания данного феномена.

Библиографический список

1. *Гаджиев К.С.* Геополитика: история и современное содержание дисциплины // Полис. 1996. №2.
2. *Назукина М.В., Подвицнев О.Б.* Региональная идентичность в Российской Федерации: преодолевая имперское наследие // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. М., 2012. С. 258–283.
3. *Подвицнев О.Б.* К вопросу о типологии империй нового и новейшего времени // Первые Петербургские Кареевские чтения по новистике. СПб, 1996.
4. *Ackrén M.* Conditions for different autonomy regimes in the world: a fuzzy-set application / Åbo : Åbo Akademi University Press, 2009.

5. *Heburn E.* A Comparative Analysis of Island Region Autonomy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2010/Heburn.pdf> (дата обращения: 14.09.2015).
6. *Olausson Pär M.* Autonomy and islands: a global study of the factors that determine island autonomy / Åbo : Åbo Akademi University Press, 2007.

TYOLOGY OF AUTONOMOUS ISLANDS IN THE CONTEMPORARY WORLD

O.B. Podvintsev

Doctor of Political Sciences, Professor,

Perm Scientific Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences

The article discusses factors that contribute to the tendency of island territories in the contemporary world to become autonomies, as well as principles and criteria for classification of such territories. It is stated that the majority of them are, one way or another, connected with the imperial legacy. Thus, while classifying the territories, the following factors were taken into account: differences between empires (continental and colonial), imperial holdings (migratory and "ethnic"); whether a territory changed or retained its status against the background of the imperial system collapse.

Keywords: autonomy; empire; colony; resettlement territories; ethnic territories.

References:

1. *Ackrén M.* Conditions for different autonomy regimes in the world: a fuzzy-set application / Åbo : Åbo Akademi University Press, 2009. (In English).
2. *Gadzhiev K.S.* Geopolitics: History and Current Content // *Polis*. 1996. №2. (In Rus.).
3. *Heburn E.* A Comparative Analysis of Island Region Autonomy. Available at: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2010/Heburn.pdf> (accessed: 14.09.2015). (In English).
4. *Nazukina M.V., Podvintsev O.B.* Regional identity in the Russian Federation: overcoming imperial legacy // *Political identity and politics of identity*. Vol. 2. M., 2012. P. 258–283. (In Rus.).
5. *Olausson Pär M.* Autonomy and islands: a global study of the factors that determine island autonomy / Åbo : Åbo Akademi University Press, 2007. (In English).
6. *Podvintsev O.B.* On the issue of classifying empires, modern and contemporary // *Petersburg Kareev first readings on contemporary studies*. St. Petersburg, 1996. (In Rus.).